

Валдай | Международный
Дискуссионный клуб

valdaiclub.com

Москва, март 2015

НОВЫЕ ПРАВИЛА ИЛИ ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ?

ДОКЛАД УЧАСТНИКОВ
XI ЕЖЕГОДНОГО ЗАСЕДАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ДИСКУССИОННОГО
КЛУБА «ВАЛДАЙ»

Доклад подготовлен по итогам XI ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай».

Редакторы:

Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике».

Иван Крастев, председатель правления и директор программ политических исследований Центра либеральных стратегий в Софии.

Первая версия этого доклада была представлена на обсуждение ежегодного заседания Валдайского клуба в октябре 2014 года и существенно доработана по итогам прошедшей там дискуссии. Вся ответственность за содержание доклада лежит на ответственных редакторах. Редакторы благодарят экспертов, которые на разных этапах принимали участие в работе над текстом.

Павел Андреев, заместитель главного редактора МИА «Россия сегодня»; Сергей Афонцев, заведующий отделом экономической теории ИМЭМО РАН; Олег Барабанов, заведующий Кафедрой политики и функционирования Европейского союза и Совета Европы МГИМО (У) МИД России; Андрей Безруков, доцент МГИМО (У) МИД России; Тимофей Бордачёв, руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ; М.К. Бхадракумар, посол (Индия); Евгений Винокуров, директор Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития; Петр Дуткевич, директор Центра государственного и общественного управления Карлтонского университета (Канада); Тимоти Колтон, декан факультета управления Гарвардского университета; Андрей Кортунюв, генеральный директор РСМД; Борис Межуев, доцент философского факультета МГУ имени Ломоносова, заместитель главного редактора газеты «Известия»; Рейн Мюллерсон, президент Международного института права; Дмитрий Полянский, заместитель директора Первого департамента СНГ МИД России; Иван Сафранчук, доцент МГИМО (У) МИД России; Фэн Шаолей, директор Института международных отношений и регионального развития при Восточно-китайском педагогическом университете; Брахма Челлани, профессор Центра стратегических исследований (Дели); Елена Черненко, специальный корреспондент ИД «Коммерсант».

Валдайский клуб также благодарит Институт наук о человеке (Вена) за предоставленную возможность провести в его стенах предварительную дискуссию российских и иностранных экспертов.

В поисках нового порядка

Те, кто верит в магию дат, получили в 2014 году подтверждение, что она существует. Столетия начала Первой мировой войны ждали с трепетом, и история не обманула ожиданий, совершив очередную вираж. Она напомнила о том, что извечные конфликты никуда не деваются, а такие понятия, как баланс сил, границы, суверенитет не теряют значения и во времена глобальной взаимозависимости.

Британский историк Эрик Хобсбаум писал о том, что политические столетия не совпадают с календарными, бывают «короткими» и «долгими». По Хобсбауму XX век был коротким – 1914–1991. А XXI, если считать его содержанием время после холодной войны, окажется и того короче – 1991–2014. Но точнее использовать определение другого видного европейского социолога и историка Зигмунта Баумана, который назвал два с лишним десятилетия после холодной войны *Interregnum* («междущарствие»). Период, когда отсутствовала какая-либо прочная основа – политики, экономики, социального устройства. Автор характеризует это состояние как «текущий модерн».

В разгар украинского кризиса, а еще до него – на Ближнем Востоке, отчетливо проявилась эфемерность многих институтов,

возникших после холодной войны. И не только институтов, но и понятий, обернувшихся иллюзиями, самовнушением или не вполне искренними заклинаниями о «стратегическом партнерстве» при отсутствии реального доверия.

С точки зрения дат, годовщины 2014 были однотипны – они так или иначе связаны с расшатыванием фундамента мироустройства. Помимо столетия Первой мировой войны это еще и 75-летие Второй мировой. Да и падение Берлинской стены, с которого прошло 25 лет, – акт, несмотря на всю положительную коннотацию для европейцев и Запада, не созидания, а разрушения. Старая система была непривлекательной, но стабильной, а новая, напротив, смотрится весьма привлекательно, но оказалась совсем нестабильной.

2015 год выглядит, с этой точки зрения, более вдохновляющим. 200-летие завершения Венского конгресса, который заложил основу «концерта наций» и открыл золотую эру европейской дипломатии. 70-летие окончания Второй мировой и учреждения ООН, что создало условия для в меру управляемого мира на следующие десятилетия. 40-летие Заключительного Хельсинского акта, который закрепил послевоенное устройство Европы и правила поведения. Что ни века, то позитивный опыт стабилизации анархич-

Венский конгресс

ной по своей сути международной системы. И неудивительно, что звучат призывы приложить усилия для приведения мира в порядок средствами дипломатии.

Красные линии и «розовые мечтания»

Годовщины – напоминание о событиях, связанных с удачными или, напротив, катастрофическими попытками выстроить эффективное политическое устройство. И даже если считать, что современный мир во многих смыслах функционирует лучше, чем в 1815-м или 1989-м, опасность большой войны не исчезла.

Напоминания об этом звучат из уст разных политических деятелей – от твердокаменных консерваторов, которые не верят ни во что, кроме паритета наступательных возможностей, до Михаила Горбачёва, открывшего почти тридцать лет назад эпоху больших надежд и идеалистических ожиданий. Еще недавно от таких предостережений отмахивались: ничего, мол, подобного не может быть в открытом мире глобальной взаимозависимости, хватит извлекать на свет Божий концепции минувших веков. Но сейчас никто уже не спорит, что открытость и взаимосвязанность сами по себе не повышают уровень глобальной безопасности. Они меняют внешние условия, но не неизменные принципы международных отношений, которые определяет вечная диалектика конкуренции и кооперации. А сочетание открытости и недоверия порождает гремучую смесь.

УСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО И ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДОМИНИРОВАНИЯ ЗАПАДА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ НЕ СДЕЛАЛО МЕЖДУНАРОДНУЮ СИСТЕМУ БОЛЕЕ УПРАВЛЯЕМОЙ

Классические концепции, и вправду, не справляются с осмыслением перемен, требуют дополнений, адаптации к стремительно меняющимся условиям. Технологическая революция заставила многих поверить, что уроки прошлого уже неактуальны для будущего. Однако было бы странно полагать, что глобализация изменила сам характер поведения игроков, качественно повлияла на их инстинкты и намерения. Международная система, какие бы взгляды на мироустрой-

ство ни доминировали в конкретный момент, не пребывает в статичном состоянии. И для обуздания анархии, которая является ее естественным состоянием, требуется неустанная работа по поддержанию баланса. Для этого нужны работающие, то есть признаваемые всеми участниками правила поведения. Или хотя бы понятие о «красных линиях», переход которых может иметь фатальные последствия.

Правила, в свою очередь, не есть данный раз и навсегда кодекс, перечень заповедей, а продукт никогда не прекращающейся работы по согласованию интересов. Если она прерывается, а какая-то из сторон начинает полагать, что устраивающий ее порядок сохранится сам собой либо же она ошибается с набором мер по его поддержанию, неминуема эрозия, а потом и обрушение этого порядка. Советский Союз стал жертвой собственных промахов и просчетов как во внутренней, так и во внешней политике. Однако дальнейшая история показала, что неадекватная оценка ситуации и собственных возможностей – проблема отнюдь не только советская.

Более того – мы живем в «эпоху слабых». Согласно примечательному исследованию, проведенному в Гарварде, в асимметричных войнах между 1800 и 1849 годами более слабая сторона (с точки зрения численности армии и качества вооружений) смогла добиться поставленных целей лишь в 12% случаев. Но в аналогичных войнах в период с 1950 по 1998 годы слабые брали верх гораз-

до чаще – в 55% случаев. Более слабой стороне больше не нужно одерживать победу или разрушать мощь противника, достаточно просто добиться сбоев в функционировании его военной машины.

Установление военного и идеологического доминирования Запада после окончания холодной войны не сделало международную систему более управляемой. Да, Западу удалось монополизировать право говорить от имени международного сообщества, и како-

2014	2015
 <p>100 ЛЕТ С НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ</p>	 <p>200 ЛЕТ СО ДНЯ ЗАВЕРШЕНИЯ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА</p>
 <p>75 ЛЕТ С НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ</p>	 <p>70 ЛЕТ С ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И УТВЕРЖДЕНИЯ ООН</p>
 <p>35 ЛЕТ С ВВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК В АФГАНИСТАН</p>	 <p>45 ЛЕТ СО ДНЯ ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ ДОГОВОРА О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ</p>
 <p>25 ЛЕТ С ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ</p>	 <p>40 ЛЕТ С ПОДПИСАНИЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ХЕЛЬСИНГСКОГО АКТА</p>

е-то время это даже де-факто признавалось практически всеми. Но он не смог перестроить мир в духе спокойствия и стабильности, обеспечить торжество собственных принципов даже в границах близкого Западу культурного поля (Россия – наглядный пример). Книга Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории», бестселлер атлантического мира начала 1990х, не завоевала аналогичной популярности у всемирной аудитории, зато последняя высоко оценила «Столкновение цивилизаций» Самуэля Хантингтона. Эксперимент по сооружению однополярного мира под руководством Америки продемонстрировал, что одна-единственная держава не в состоянии управлять глобальной политикой. Однако переход к многополярной модели, основанной на разных политических культурах, убеждениях, экономических и технологических возможностях, пока не только не укрепил стабильность, но и усугубил симптомы анархии. А сама по себе заявка поднимающихся, не удовлетворенных своим положением держав осуществить ревизию де-факто установившихся правил несет риски и им самим,

и мировой ситуации. Многополярность – звучит прекрасно, но практическое знакомство с такой ситуацией пока скорее обескураживает.

Узел, который не разрубить

Распространение демократии и рыночной экономики также оказало противоречивое воздействие. Оно ведет скорее к размежеванию, чем к сближению. Международное сообщество в целом становится все более демократичным, растет количество игроков, конкурирующих за право участвовать в построении мирового порядка. Сегодня их, наверное, больше, чем когда-либо. Но они – вполне объяснимо – все меньше готовы мириться с тем обстоятельством, что международные организации увековечивают привилегии ограниченной группы стран («Большой пятерки», постоянных членов Совбеза ООН). Поэтому и отдельным державам, и сообществам стран и народов еще предстоит найти оптимальную форму существования в мире с растущим числом игроков и правилами игры, которые оспариваются либо игнорируются.

Экономическая взаимозависимость не смягчает разногласия; напротив, подчас она их усугубляет. Геополитическое соперничество, отягощенное отсутствием понимания между ключевыми игроками, подрывает мировую экономическую систему. Недоверие граждан к правительствам, политической и деловой элите – новая норма жизни, причем повсеместно. Власти (как демократические, так и недемократические) оказываются практически неспособными управлять своими странами. Им все труднее взимать налоги с богатых, ловить террористов и интегрировать иммигрантов. Зачастую национальные администрации даже неспособны точно определить причину кризисов, в которых переплетаются внутренние и внешние факторы.

Характер нестабильности различается в разных странах в зависимости от формы правления, но общий знаменатель – мировая политика все больше определяется проблемами внутри стран, а не прямым соперничеством между ними. Точнее – внешнее соперничество становится следствием внутренних потрясений, усугубляет их, образуется тугой клубок противоречий, и совершенно непонятно, за какую нитку тянуть, чтобы начать его распутывать. Руководствоваться же методом Александра Македонского, который, не мудрствуя лукаво, разрубил узел фригийского царя Гордия, чтобы не возиться с его развязыванием, не получится. Переплетено все столь искусно, что меч разрушит не только связи, но и саму ткань национально-государственных интересов, из которых состоит современный Гордиев узел.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ И РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ ТАКЖЕ ОКАЗАЛО ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Вопреки исторической мудрости, согласно которой национальные государства, чтобы иметь влияние на мировой арене, должны мобилизовать внутренние ресурсы (финансовые, человеческие, технологические), сегодня великие державы все чаще стремятся к противоположному – опереться на мировые возможности, чтобы добиться социально-политической стабильности у себя на родине.

Кризис глобализации, усиленный мировым финансовым спадом, ведет к резкому снижению управляемости в самых могущественных мировых державах. В сердце нового мирового порядка – отнюдь не только (а, вероятно, и не столько) активно обсуждаемый сдвиг силы с Севера на Юг, от США и Запада к остальному миру, а упадок силы вообще. Признание того, что, по выражению Мойзеса Наима, «власть больше не может добиться того, что ей было под силу в прошлом... власть легче получить, труднее использовать и легче потерять».

Растущая растерянность правящих элит порождает опасные иллюзии относительно того, как ответить на множащиеся вызовы. Одной из них является идея изоляции, причем в двух ее вариантах. С одной стороны, убеждение лидирующих держав (пока это державы Запада), что «смутьянов» можно принудить к трансформации, изолировав их. С другой, точка зрения, что государство способно «закрыться», само изолироваться от внешней среды и оборонять собственный суверенитет, который в этом случае должен опираться на автаркическую идею самодостаточности. И тот, и другой подход не выдерживают проверки реальностью, и чем дальше лидеры попытаются пройти по такому пути, тем больший ущерб всем будет нанесен.

Мировых игроков объединяет страх перед призраком неуправляемости. В течение последних пяти лет политические протесты взорвали обстановку в более, чем 70 странах мира. Некоторые из этих стран – автократии, другие – демократии; одни – богатые и процветающие, другие – бедные и подавленные.

Часть протестов имело место в странах, наиболее болезненно переживавших мировой экономический кризис, тогда как другие вспыхивали в быстрорастущих экономиках, которым кризис не причинил большого вреда. Где-то волнения привели к свержению правительств, находящихся у власти; где-то они просто срывали и сводили на нет усилия правящей верхушки. Но во всех случаях

возникало ощущение дефицита власти и силы либо неадекватности результатов ее применения. А главное – отсутствия политической фантазии, которая позволила бы тем, кто несет ответственность за свои страны или группы стран, по-новому взглянуть на меняющийся контекст и выдвинуть качественно другие идеи. Не случайно тот же Фукуяма, по сути, провозгласивший четверть века назад конец идеологического многообразия, не так давно затосковал по левой альтернативе. Но был вынужден констатировать, что ее никто не предлагает...

факторы, прежде всего технологические и коммуникационные, которые развиваются по собственной логике и намного быстрее, чем государства успевают на них реагировать. Иными словами, благодаря новым технологиям индивиды обретают возможности, не уступающие тем, которыми обладают государственные структуры, а то и превосходящие их. Так, продолжается гонка между стремлением национальных правительств контролировать интернет и проникновением интернет-технологий в каждодневную жизнь людей, которое может сделать любую попыт-

МИРОВЫХ ИГРОКОВ ОБЪЕДИНЯЕТ СТРАХ ПЕРЕД ПРИЗРАКОМ НЕУПРАВЛЯЕМОСТИ

Поведение большинства важных игроков на мировой арене диктуется не столько их стремлением управлять процессами глобализации, сколько попытками справиться с ее последствиями. Во многих странах открытость и взаимозависимость стали считаться скорее угрозой, нежели возможностью.

Ответственность правительств перед собственным населением за предотвращение потрясений растет, а способность контролировать события снижается. Появляются

ку отсечь эти технологии потрясением для всего общества.

В такой ситуации есть две модели поведения. Первая – кооперация стран, обществ и поиск коллективных ответов на множащиеся вызовы глобализации. Совместное управление ущербом. Вторая – напротив, ставка каждого из государств или сплоченных групп стран на активную самооборону, замыкание в национальных или региональных рамках для минимизации воздействия внешних факто-

Падение курса рубля в конце 2014

ров. И хотя достаточно очевидно, что более продуктивным (а, возможно, и единственным рациональным) был бы первый вариант, общая логика развития международной ситуации толкает ко второму.

Политика против экономики

Политические противоречия крупных стран ставят под сомнение саму концептуальную основу экономической глобализации. Массированное применение санкций обусловлено неэкономическими факторами, возможность которых (интересы национальной безопасности) предусмотрена в основополагающих документах ГАТТ/ВТО. Но трактовка национальной безопасности, естественно, остается на усмотрение самих правительств, что почти исключает возможность согласованных действий. Логика экономической целесообразности уступает место логике политического противостояния, даже если последняя вредит собственным экономическим позициям. В этом смысле примечательно, что обе стороны санкционной войны из-за Украины – и США/Евросоюз, и Россия – грозят опровергнуть действия оппонента через институты Всемирной торговой организа-

ции, но не делают этого. Всем очевидно, что происходящее не имеет никакого отношения к экономике...

Украинский кризис показал: политические нужды государства перевешивают интересы бизнеса, хотя с конца прошлого века считалось, что общая тенденция развития – противоположная. Предпринимательское сообщество, обладающее громадными возможностями и ведущее бизнес за пределами национальных юрисдикций, отступает перед волей своих правительств. Эпоха, когда власть транснациональных денег казалась неограниченной, похоже, завершается. Парадокс, однако, в том, что для решения множющихся проблем развития и поддержания стабильности государствам как раз нужны внешние ресурсы, которые традиционно находятся в руках частных транснациональных игроков. А вышеупомянутые технологии все равно не признают границ по своей сути и ускользают от национального контроля.

Само государство пребывает в противоречивом положении. Под давлением глобальной среды оно стремится расширить собственные возможности защиты, контроля над транс-

Жители Конго бросают камни в силы ООН за их неспособность положить конец кровопролитию, 22.10.2008

граничными процессами. И общества, встревоженные воздействием глобальной среды, ждут от государств защиты. Однако запрос на более активную роль государства нивелируется усугубляющимся недоверием к нему со стороны граждан.

Еще в середине – второй половине 2000х годов многие исследователи и политики предсказывали ренессанс левых настроений – на фоне пороков неолиберальной экономической модели и растущего раздражения глобальным идейным монополизмом, воцарившемся после провала «реального социализма». На деле происходит иное. Дирижистские подходы, которые предусматривают ведущую роль государства в экономике, так и не востребованы. Массовые левацкие движения не породили реалистичной альтернативы, концентрируясь, в основном, на жесткой критике всевластия рынка. Вместо левой альтернативы возник стихийный анархизм, причем, прежде всего со стороны не обездоленных, а как раз благополучного среднего класса, испуганного перспективой потери благосостояния.

Падение доверия к рынку не ведет к одновременному росту доверия к государству как управляющему субъекту. Наоборот, распространяется разочарование в способности политиков, правящих классов решать проблемы народов в принципе. Граждане видят, что правительства сражаются за кредит доверия и расширившиеся полномочия, чтобы, по сути, проводить тот же курс, что и раньше, но только оказывая большее давление на население.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС ПОКАЗАЛ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ НУЖДЫ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕВЕШИВАЮТ ИНТЕРЕСЫ БИЗНЕСА

Феномен демократии при отсутствии реального выбора, то есть идейной альтернативы, приводит к укреплению маргинальных популистских партий и движений, которые нацелены не на реализацию своей программы (она у них, как правило, крайне размыта), а на дискредитацию истеблишмента. Отсюда же и популярность анархических идей о том, что функции государства постепенно смогут

выполнять новые технологии – от интернет-демократии и всепроникающих социальных медиа до электронных денег bitcoin и «больших данных». И тот факт, что по сути такие ожидания утопичны, а технологии остаются лишь инструментами, не означает, что государству достаточно просто отмахнуться от таких идей. Их появление – явный симптом кризиса управленческих моделей. Усилия же истеблишмента по разоблачению оппонентов-популистов, тем более желание ограничить их политические возможности, ведет зачастую к обратному результату, поскольку правящие партии не в состоянии предложить ничего нового даже на уровне риторики.

Парадокс власти и силы в мире, поглощенным проблемами внутренней нестабильности, заключается в том, что чем успешнее правительства снижают уязвимость перед внешним влиянием и давлением, тем менее влиятельными и сильными вовне становятся они сами.

Энергетически самодостаточная Америка может не опасаться потрясений на Ближнем Востоке, и нестабильность в районе Персидского залива не будет так сильно на нее влиять. В то же время, независимость США от арабской нефти будет означать сокращение возможностей Соединенных Штатов в том регионе и его заинтересованности в американцах. Саудовской Аравии не стоит полагаться на союз с Вашингтоном, коль скоро США больше не зависят от ее нефти. Стало быть, она повернется в какую-то иную сторону. Россия, успешно национализирующая свои элиты, возвращающая на родину

капиталы и детей преуспевающих родителей, в значительной мере теряет влияние в Европе и США, и вряд ли его восстановит. Китай, экономика которого зависит прежде всего от внутреннего потребления, также будет утрачивать прежнюю роль в мире из-за того, что сократит зависимость, но вместе с ним и откажется от рычагов.

Тайна власти и силы во взаимозависимом

мире в том, что источники уязвимости одновременно и источники влияния. В тот момент, когда элитам удастся снизить зависимость от собственного общества (за счет открытия банковских счетов за рубежом, отправки детей на учебу за границу или перенос производственных мощностей в другие страны с более дешевой рабочей силой), они утрачивают и его доверие, а, как следствие, и способность управлять. И наоборот – концентрация на внутренних делах и ставка на изолированность расширяет возможности управления своими странами, но лишает инструментов воздействия на внешние факторы.

Правительствам понадобятся навыки эквилибриста. Укреплять суверенитет своих стран и снижать отрицательные последствия взаимозависимости, однако, параллельно избегать автаркии и сохранять присутствие во внешней среде. Это ведет к повышению политической привлекательности регионализма как альтернативы и глобализму, и изоляционизму.

ДЕЙСТВИЯ В ДУХЕ НОРМЫ R2P НА ПРАКТИКЕ ВСЕ ЧАЩЕ ПРЕОБРАЗУЮТСЯ В ПРОИЗВОЛЬНОЕ, А ЗАЧАСТУЮ ПРЕДВЗЯТОЕ ИНОСТРАННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Великие державы, судя по их действиям, утратили надежду на создание функциональной системы управления мировым хозяйством, и делают ставку на конструирование и упрочение своих торговых и политических блоков. Поэтому, если несколько лет тому назад регионализация была стратегией построения более глобального и взаимозависимого мира, то сегодня она все чаще воспринимается как альтернатива мировому порядку, а подъем идей регионализма стал нормой. Однако создание конструктивных и эффективных региональных порядков – задача не менее трудная, чем построение порядка мирового. И главное – даже если удастся успешно двигаться по этому пути, это не означает, что планета распадется на не связанные друг с другом элементы. Взаимосвязь и взаимозависимость крупных блоков сохранятся, но принципы их сосуществования в такой форме только предстоит выработать. Это и станет содержанием следующего этапа поли-

тического развития мировой системы.

Суверенитет и вмешательство

Несмотря на многочисленные перемены и потрясения конца XX – начала XXI века, базовый принцип международной системы не менялся – ее структурной единицей остается национальное государство, пусть и испытывающее многочисленные новые виды воздействия. И если свести всю многообразную и сложную дискуссию о правилах и нормах поведения в мире к ее стержню – это отношение к суверенитету, ключевому понятию международных отношений с момента возникновения Вестфальской системы в XVII веке. Именно попытки переосмыслить его содержание имели наиболее серьезные последствия для развития ситуации с начала 1990-х годов.

С этой фундаментальной темы и начались попытки построения «нового мирового порядка», отправной точкой которого должна была стать операция «Буря в пустыне» в янва-

ре 1991 года. Почти уникальный случай объединения практически всего мирового сообщества (включая еще существовавший тогда СССР) для защиты суверенитета пострадавшего государства (Кувейт). Примечательно, что запущенный тогда процесс логически привел к вопиющему нарушению принятых норм – военному вторжению в суверенное государство (Ирак), оккупации его и смене там режима в обход Совета Безопасности ООН. А это, в свою очередь, положило начало глубокому кризису идеи того самого «нового мирового порядка».

События на Ближнем Востоке («арабская весна») и на Украине остро поставили вопрос об отношении мирового сообщества к внутренним потрясениям и сменам власти в суверенных государствах. Такого рода коллизии, как представляется, как раз и приведут (вместе с территориальными конфликтами) к цепочке потрясений, которыми будет в ближайшие годы сопровождаться возник-

новение полицентричного мира. Подъем Исламского государства наглядно продемонстрировал, почему невмешательство во внутренние дела других стран может стать руководящим принципом международной политики.

Едва ли возможен возврат к классическому пониманию суверенитета как права правительств делать все что угодно на подконтрольной им территории. Однако и либеральный подход 1990-х годов, легитимирующий внешнюю интервенцию, не оправдал себя, поскольку результаты в большинстве случаев неудовлетворительные. Действия в духе нормы R2P (ответственность защищать), на практике все чаще преобразуются в произвольное, а зачастую предвзятое иностранное вмешательство в сложные внутренние процессы с конечной целью смены режима, поддержки одной из сторон междоусобного противостояния против другой. Это может послужить приводным ремнем очень крупных международных катаклизмов.

В случае R2P (эта норма носит не юридически обязывающий, а моральный характер)

имеет место нестыковка между формальными принципами права и его конкретными интерпретациями отдельными участниками международных отношений. Так, ярким отражением противоречивого характера международной политико-правовой среды после холодной войны было заключение Международной независимой комиссии по Косово (Independent International Commission on Kosovo), которая в 1999 году пришла к выводу, что военная кампания НАТО против Югославии была «незаконной, но оправданной» (illegal, but justified). Тем самым официально оказались противопоставлены понятия «законный» и «легитимный» (legal/ legitimate), что имело серьезные последствия для состояния международного права. Это противоречие не преодолено, напротив, в дальнейшем оно только усугублялось. Апофеозом стали события украинского кризиса, где действия всех сторон – как непосредственных участников, так и внешних сил – определялись не правовой, а сугубо политической логикой. Украинская коллизия явила примеры проекции разных видов силы с целью воздействия

на ситуацию. С точки зрения теории международных отношений, личная поддержка официальными лицами других государств антиправительственных волнений в суверенной стране (визиты на майдан и пр.) – столь же существенное вмешательство во внутренние дела, как и привлечение «вежливых людей» для обеспечения проведения референдума.

Дискуссия о критериях использования силы извне в случае серьезных потрясений внутри государств крайне сложна, поскольку ее практически невозможно отделить от интересов тех или иных стран. Однако без выработки совместного отношения к подобного рода процессам, принципов сдержанности внешних сил, с одной стороны, и условий, при которых вмешательство является необходимым, с другой, внутренние конфликты будут раз за разом провоцировать опасные коллизии между ведущими мировыми игроками.

Вопрос о содержании суверенитета в эпоху меняющегося глобального мира и многообразных форм и методов вмешательства становится едва ли не главным для сохранения и упрочения мировой стабильности. Универсальный ответ на него едва ли возможен, поскольку мнения ключевых участников международных отношений относительно правомочности вмешательства делится примерно поровну. До сих пор верх брал западный подход, однако по мере происходящей демократизации международной системы и расширения круга значимых участников, вероятно, установится баланс.

чения суверенитета, защиты от вероятных посягательств.

Под сомнением более привычная роль ЯО как гарантии того, что крупные державы не вступят в противостояние. Рост анархии заставляет задаться вопросом о том, остается ли наличие у ведущих держав ядерного оружия фактором, сдерживающим от прямых конфликтов. Все-таки именно на ядерном паритете прежде всего основывалась упорядоченность второй половины прошлого века.

Столкновение в духе мировых войн XX столетия ныне маловероятно, хотя и не может быть исключено полностью. После холодной войны главной угрозой считалось попадание ОМУ в руки безответственных режимов или криминальных негосударственных акторов. Этот риск, безусловно, остается, однако по мере удаления от периода, когда мир жил в постоянной готовности к возможному ядерному конфликту, возникает и другая опасность – «порог страха», прочно утвердившийся во второй половине XX века, снижается.

Мнение о том, что применение ядерного оружия ответственными игроками невозможно, подтачивает основу сдерживания и стабилизирующую роль, которую это оружие играло. Многолетнее отсутствие ядерных испытаний и уход на второй план опасения того, что «бомба» может быть пущена в ход, скорее снижает мировую стабильность, чем укрепляет ее. Между тем, уровень информационно-пропагандистского накала, которым сопровождается, например, кризисная ситуация на Украине, заставляет всерьез опасаться, что без фактора ядерного сдерживания стол-

СТОЛКНОВЕНИЕ В ДУХЕ МИРОВЫХ ВОЙН XX СТОЛЕТИЯ НЫНЕ МАЛОВЕРОЯТНО, ХОТЯ И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ИСКЛЮЧЕНО ПОЛНОСТЬЮ

Эффективно ли сдерживание?

В эпоху после холодной войны произошли заметные сдвиги в том, как воспринимается роль и значение ядерного оружия. Проявления гегемонистского подхода со стороны наиболее могущественных держав, а также нарастание всеобщей нестабильности ведут к тому, что это оружие все чаще воспринимается как инструмент обеспе-

чение великих держав могло бы перейти из виртуального в реальное.

Несмотря на модные начинания, наподобие «глобального нуля» и планов построения безъядерного мира, на практике великие державы, прежде всего, Россия и США, но не только они, занимаются совершенствованием арсеналов. Американский проект противоракетной обороны, хотя его эффективность

вызывает сомнения, способен стимулировать другие ядерные государства к наращиванию своих потенциалов. Это окончательно сведет на нет морально-политические основания действующего режима нераспространения. Ведь когда подписывался ДНЯО, компромисс между странами, которым был разрешен ядерный статус, и остальными заключался в том, что первые обязывались принимать меры по сокращению и в далекой перспективе и уничтожению своих арсеналов. Это обоснование поставлено под сомнение уже в 1995 году, когда ДНЯО продлили бессрочно, то есть ядерные державы могли уже даже формально не чувствовать себя связанными какими-то обязательствами по сокращению. Если же начнется новая гонка ядерных возможностей крупных ядерных стран, остальным придется принимать собственные решения, как обеспечивать безопасность.

Пугающие прогнозы относительно «эффекта домино», взрывообразного и кратного увеличения числа ядерных держав в течение ближайших десятилетий, вероятнее всего,

преувеличены – обретение ядерного статуса, по-прежнему, требует серьезных затрат и под силу далеко не каждой стране, которая этого желает. Но и неизбежность режима нераспространения уже давно не является само собой разумеющейся.

Как сказано выше, вопрос о ядерном оружии все больше связан с темой суверенитета. Опыт после холодной войны – случаи силовой смены правительств суверенных государств – придал ядерному оружию дополнительную функцию. Последний козырь, гарант неприкосновенности. Различная судьба КНДР, с одной стороны, и Ирака или Ливии – с другой однозначно свидетельствует в пользу ядерного выбора на тот случай, если власти какой-то страны опасаются внешнего нажима. Это еще один серьезный вызов режиму нераспространения.

Наконец, украинский кризис напомнил о проблеме надежности и востребованности гарантий безопасности неядерным странам со стороны ядерных держав. Будапештского меморандума 1994 года оказалось недоста-

Президент США Барак Обама на заседании Совбеза ООН

точно, чтобы обеспечить территориальную целостность Украины.

Весь комплекс вопросов, связанных с ролью ядерного оружия в современном мире, требует серьезного непредвзятого обсуждения, и обязанность инициировать его лежит на

Трансформация глобальной системы

Сочетание социально-экономических обстоятельств внутри стран и растущего экономического и геополитического соперничества на международной арене создает предпосылки для описанных выше конфликтов и стиму-

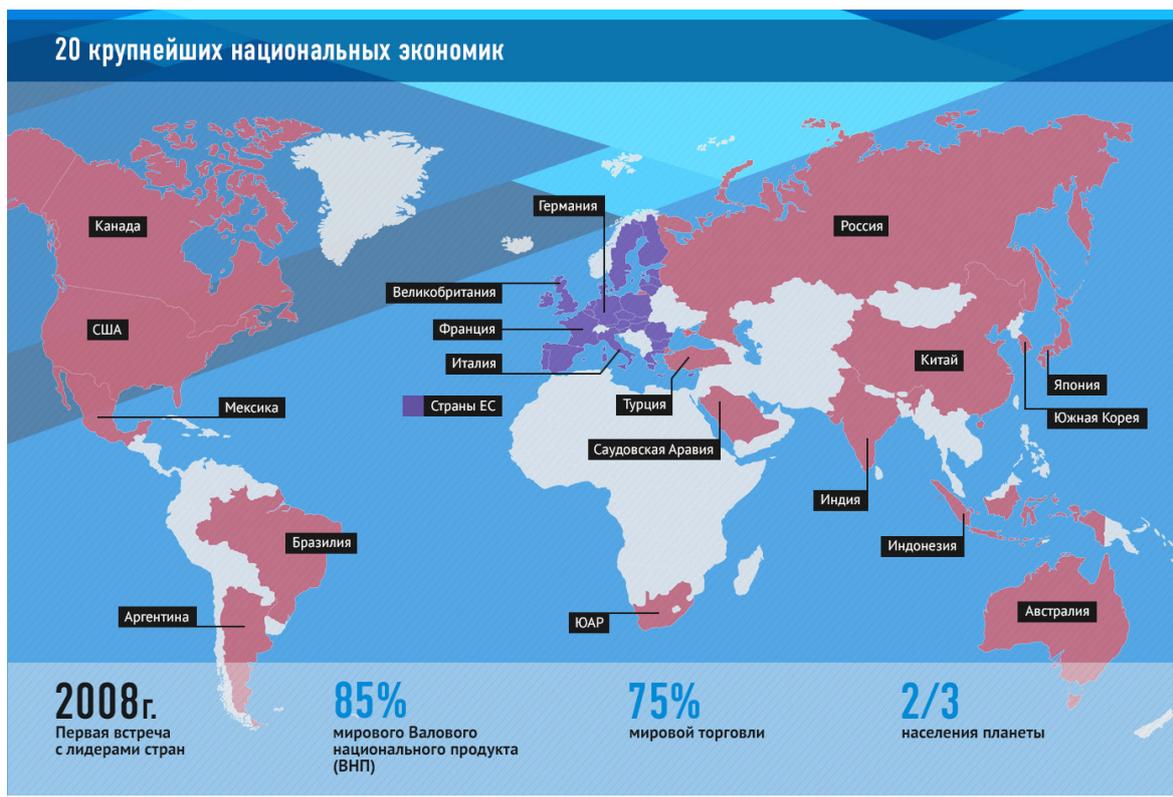
В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЗВУЧИТ РЕЗКАЯ КРИТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ ЗА ИХ НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ

двух ядерных сверхдержав – Соединенных Штатах и России. Модель двусторонних переговоров о сокращении (ранее ограничении) ядерных вооружений, которые велись с 1970-х до 2010-х годов, себя исчерпала. Перспектива такого рода дискуссий – в выработке новых общих принципов с участием многих сторон, где среди прочего регламентировались бы и возможности предоставления ядерных гарантий государствам, в этом заинтересованным. Выход на концептуальный уровень позволит уйти от нынешнего жесткого российско-американского противостояния, укорененного в прошлом, для поиска ответов на вопросы, связанные с общим будущим.

лирует стремление обособиться от глобальной среды. То, что «ключи» от глобальной системы находятся в руках Запада, – не секрет. Наиболее предприимчивые участники мировой политики и экономики, например, страны Восточной и Юго-Восточной Азии, успешно извлекали выгоду из этой системы. Но обострение украинского кризиса наглядно продемонстрировало возможности политического воздействия. Давление на международные платежные системы Visa и MasterCard, на систему банковских коммуникаций SWIFT с требованием по политическим причинам заблокировать Россию подрывает главный постулат глобализации – она справедлива, потому что решает рынок, а не правительства.

НОВЫЕ ПРАВИЛА ИЛИ ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ?

G20

Трансформация глобальной системы не обойдется без потрясений, однако есть разные траектории.

Одна – это демократизация мирового управления, адаптация имеющихся институтов к диверсифицированному миру, учет мнения разных групп стран и согласование интересов, конечно, в соответствии с экономическим и политическим весом участников. Впрочем, сама по себе представительность – не панацея и не гарантия эффективного управления. Не каждая держава, стремящаяся играть роль и даже обладающая материальным ресурсом для этого, владеет соответствующими навыками. А те, кто ими владеет, не всегда распоряжаются имеющимся потенциалом во благо действенного мирового управления.

ГОВОРИТЬ О СОЗДАНИИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ НЕ ИМЕЕТ СМЫСЛА

В последние годы звучит резкая критика международных институтов за их неэффективность. С точки зрения КПД их деятельности, это во многом так, однако несправедливо возлагать на них, особенно на такие структуры как ООН, ответственность за дисфункцию глобального устройства. ООН – зеркало, отражающее состояние дел в мировом сообществе, производная от его готовности о чем-то договариваться. ООН, как и многие международные институты, дееспособна в той степени, в какой это позволяют страны-члены. Мир переживает не кризис институтов, а кризис представлений – о возможном и желаемом. Та же самая рамка может быть наполнена более современным содержанием, адекватным текущей ситуации, – если участники договорятся о согласовании своих базовых интересов и о разумном самоограничении.

Главная миссия, возложенная на ООН при ее создании, заключалась не в мировом управлении, а в недопущении военных конфликтов между ведущими державами. В этом смысле конец холодной войны не расширил, а сузил возможности организации. С точки зрения Запада, его победа в системном противостоянии второй половины XX века давала

моральное и политическое право принимать глобальные решения. Но институциональное устройство ООН не изменилось, оно отражало итоги другого конфликта – Второй мировой войны. Реформировать же главным мировым институтом на основании «неформальной» победы в холодной войне не было возможности. Поэтому Соединенные Штаты предпочитали действовать в обход, устаревшего, по их мнению, органа. Тем самым изначальная задача ООН оказалась под сомнением.

Формирование полицентричного мира способно вдохнуть в ООН новую жизнь, поскольку не существует и не может быть иного международного форума, сопоставимого по уровню легитимности и представительности. Однако для этого необходимо, чтобы старые и новые лидеры согласились с необхо-

димостью привести структуру ООН в соответствие с новой реальностью. Прецедентов такой полюбовной (без крупного военного конфликта, который формирует мировую иерархию) договоренности нет. Но ее отсутствие сейчас будет только провоцировать падение дееспособности и авторитета Совбеза.

Говорить о создании альтернативной системы глобальных институтов не имеет смысла. Большинство стран решает одну проблему – экономия средств, более эффективное их использование. И тратить большие деньги на дублирование имеющихся институтов никто не станет. Другое дело, что изменение характера глобальной среды в направлении полицентризма, то есть укрепления и роста отдельных регионов, создает объективный запрос на институциональное оформление «полюсов», создание действенных региональных организаций, несущих конкретную ответственность за «свою» часть света. Роль глобальных институтов могла бы в таком случае преобразоваться в координацию действий региональных «опор», формулирование правил взаимодействия и надзор за их соблюдением.

Пока же объективно растет внимание к

Генеральной Ассамблее ООН, где, как известно, нет права вето. И хотя резолюции, принимаемые там, не имеют прямого действия, они создают атмосферу мировой политики. Примечательно, что по многим вопросам большинство человечества высказывается против действий великих держав – постоянных членов Совбеза, фактически выражая недоверие тому, как гранды управляют.

Другой путь – обострение тенденций к суверенизации, попытки государственных институтов, борющихся за полномочия и контроль, закрываться от внешних воздействий и процессов. «Отсоединиться» от глобализации одной конкретной стране невозможно, если она не готова обречь себя на автаркию и отсталость. Однако признаки разочарования присутствуют в разных странах и обществах, и усилия, между собой вовсе не скоординированные, могут начать всерьез подтачивать глобальную систему. Жесткие меры стран Запада по удержанию доминирования скорее породят еще большее противодействие.

Модель в миниатюре – дебаты вокруг управления интернетом. Еще совсем недавно всемирная паутина считалась символом и незыблемым бастионом глобализации, а

процесс ее распространения и «углубления» представлялся необратимым. Сейчас дискуссия о возможной фрагментации интернета ведется вполне серьезно, а требования национализировать сегменты сети и, как минимум, защитить их от возможности манипулирования извне звучат не только из стран, которые принято причислять к недемократическим, но и от вполне уважаемых демократий.

Вообще, меняется само восприятие интернета. Превращение киберпространства в поле противостояния – не только информационного, но и военного – нивелирует общую философию интернета как «пространства свободы», распространяет на него все те ограничения, которые накладывает межгосударственное соперничество. Призывы передать функции администрирования интернетом от американской компании ICANN к ООН, то есть сделать его более демократичным и подотчетным правительствам стран мира – это один путь. Второй – если из этого ничего не получится – реальное разделение всемирной сети на региональные или национальные, что будет иметь мощное воздействие на глобализацию как таковую. Впрочем, не исключено, что второе может стать следствием первого – если не удастся найти эффек-

Акция против преследования хакеров. Лондон, 11.05.2012

тивного способа согласования интересов в рамках международного форума.

Самое парадоксальное, что раздел пространства интернета на национальные и региональные зоны может в конечном итоге не решить главный вопрос – безопасности. Ведь полностью изолироваться от остальных зон невозможно, а если есть какое-то сопряжение, быстро развивающиеся технологии все равно найдут способ взаимного проникновения.

Концерт проектов

XX век был временем доминирования идеологий в международной политике, и это сделало его уникальным по сравнению со всеми предыдущими историческими периодами. Конец холодной войны означал окончание идеологического соперничества, однако, как быстро стало понятно, конкуренция во всех ее традиционных видах – военно-стратегическая, геополитическая, экономическая – никуда не делась. В определенном смысле мировая система вернулась к привычным принципам постоянной борьбы-взаимодействия ключевых акторов, однако в другом формате. Размывание идеологий освободило место для более архаичных форм идейной организации. Во многих обществах идет поиск национальной идентичности, в мире «текущего модерна» предпринимаются попытки опереться на религию как на нечто, проверенное временем и дающее возможность для ясной самоидентификации.

СОВРЕМЕННЫЙ МИР ПРЕБЫВАЕТ В ПЕРЕХОДНОМ СОСТОЯНИИ

Это, в свою очередь, воздействует и на единственную из идеологий, сохраняющих политическое значение, – либеральную, которая служит основой политико-экономического лидерства Запада. Сопrotивляясь размыванию картины мира, которая когда-то получила название «конца истории», либеральное представление становится намного более напористым в продвижении своих интересов вовне и радикализуется внутри. Экстремальным проявлением столкновения западных идей Просвещения и поднимаю-

щегося традиционализма служат конфликты в связи с публикацией карикатур, высмеивающих мусульманские святыни. Доведение до крайности права на самовыражение ведет к недопустимому экстремистскому ответу. Причем и те, и другие уверены в том, что действуют из самообороны.

Идейное столкновение обостряется, но теперь оно во все большей степени носит характер конфликта культур и идентичностей. Тем более что в условиях глобализации, то есть мощного унифицирующего давления на государства и нации, повсеместно растет стремление сохранить привязку к привычным корням. А ослабление государства как института, о котором говорилось выше, только стимулирует поиск других форм самоорганизации. В некоторых случаях граждане возлагают надежду на способность внешних сил «направить» их собственное правительство в нужное русло (ожидания жителей стран-кандидатов на вступление в ЕС, наиболее показательный случай – восприятие «европейского выбора» жителями Украины). В других, напротив, предпринимается попытка заставить государство изолироваться от внешнего мира в стремлении избежать негативных последствий интеграции. Иногда второе становится следствием разочарования в первом.

Современный мир пребывает в переходном состоянии, и выражается это не только в том, что размываются правила взаимоотношений. В новых внешних условиях, кото-

рые активно вторгаются в жизнь государств и народов, повсеместно происходит переосмысление, самоидентификация в меняющейся среде. Где-то в самом разгаре процесс национально-государственного строительства, в других случаях происходит еще более сложный процесс регионального самоопределения. Фактически человечество живет в эпоху оформления целого ряда очень разных проектов устройства государства и общества, которые осуществляются одновременно и вступают друг с другом в сложное, зачастую

1914 - накануне начала Первой мировой войны

«ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ»

Ключевые игроки:

ГЕРМАНИЯ
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
ИТАЛИЯ

Общее количество союзников
Центральных государств к концу ПМВ:

8 стран

Год создания:

1882 г.

Год прекращения функционирования:

1915 г.

«АНТАНТА»

Ключевые игроки:

АНГЛИЯ
ФРАНЦИЯ
РОССИЯ

Общее количество союзников Антанты
по анти-германской коалиции к концу ПМВ:

25 стран

Год создания:

1907 г.

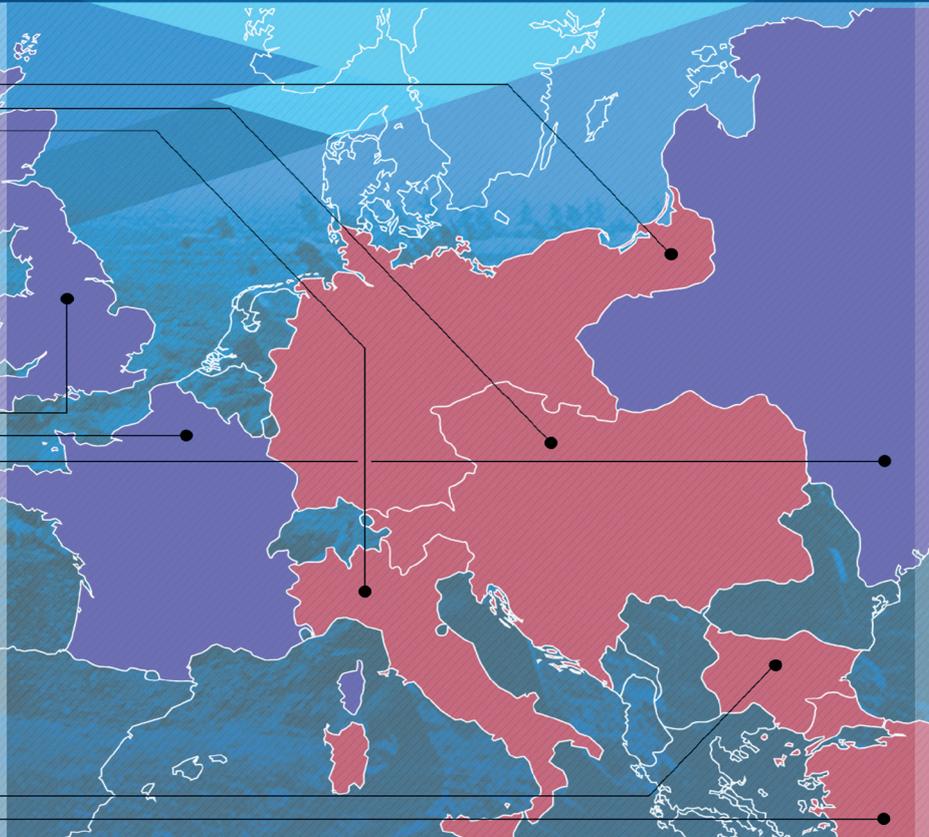
Год прекращения функционирования:

1920 г.

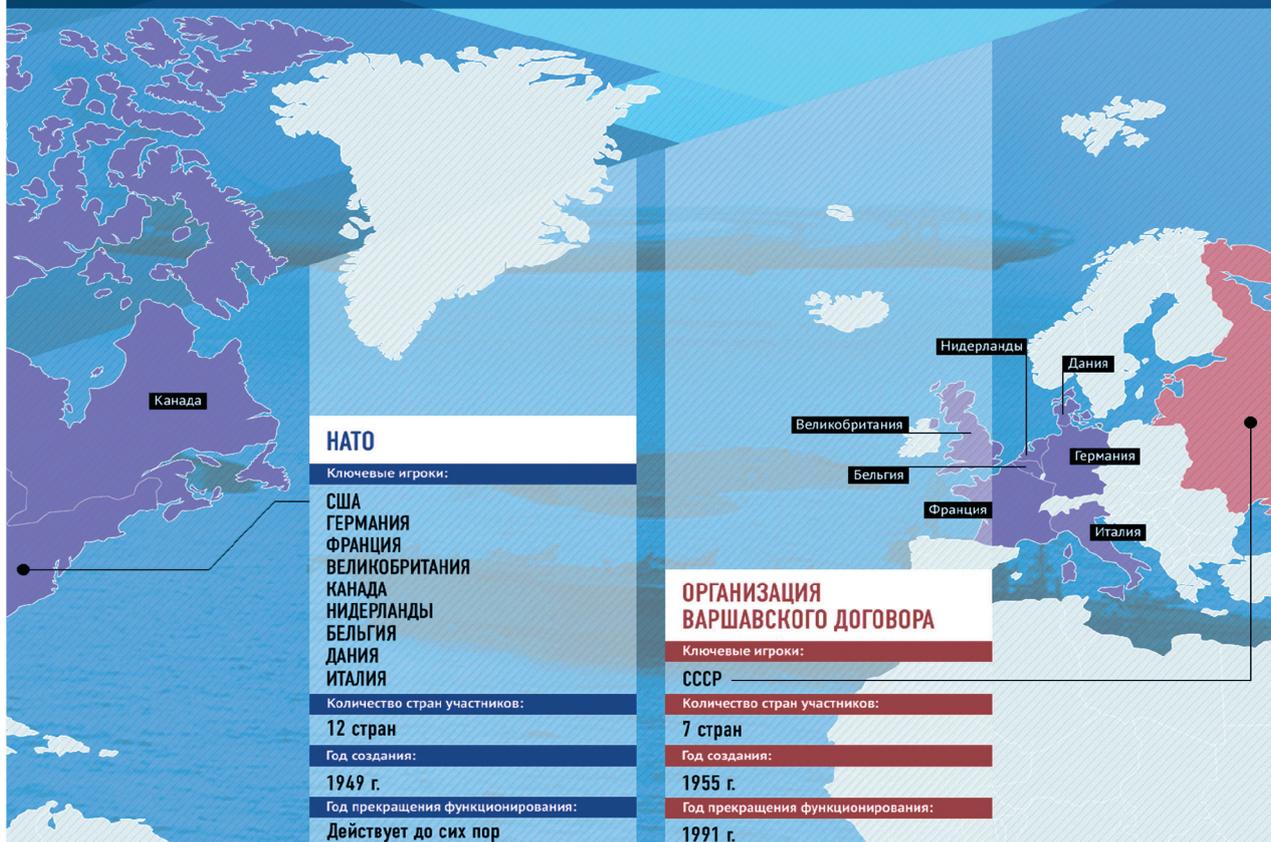
с 1915 года «ЧЕТВЕРНОЙ СОЮЗ»

Ключевые игроки:

ГЕРМАНИЯ
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
БОЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Холодная война

НАТО

Ключевые игроки:

США
ГЕРМАНИЯ
ФРАНЦИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
КАНАДА
НИДЕРЛАНДЫ
ДАНИЯ
ИТАЛИЯ

Количество стран участников:

12 стран

Год создания:

1949 г.

Год прекращения функционирования:

Действует до сих пор

ОРГАНИЗАЦИЯ
ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

Ключевые игроки:

СССР

Количество стран участников:

7 стран

Год создания:

1955 г.

Год прекращения функционирования:

1991 г.

2014 год

НАТО

Ключевые игроки:

США
ГЕРМАНИЯ
ФРАНЦИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
КАНАДА
НИДЕРЛАНДЫ
БЕЛЬГИЯ
ДАНИЯ
ИТАЛИЯ

Количество стран участников:

28 стран

Год создания:

1949 г.

Действует до сих пор

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Ключевые игроки:

ГЕРМАНИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
ФРАНЦИЯ
НИДЕРЛАНДЫ
БЕЛЬГИЯ

Количество стран участников:

28 стран

Год создания:

1952 г.

Действует до сих пор

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ

Ключевые игроки:

РОССИЯ
КАЗАХСТАН
БЕЛОРУССИЯ
АРМЕНИЯ

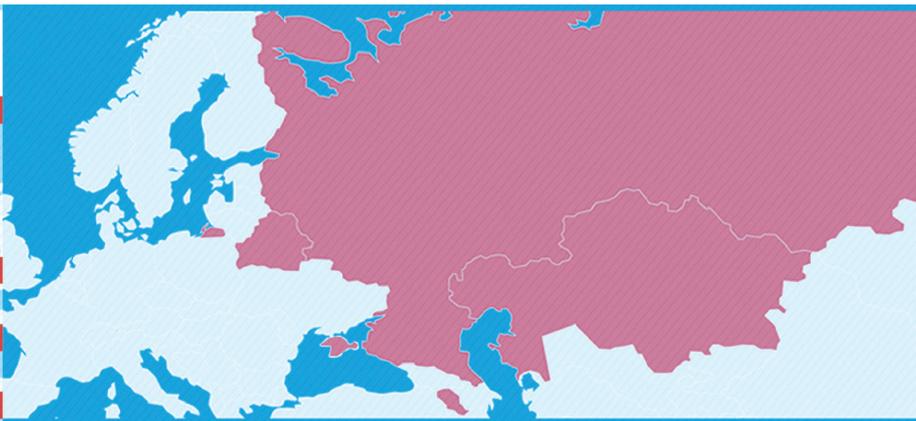
Количество стран участников:

5 стран

Год создания:

1 января 2015 г.

Действует до сих пор

БРИКС

Ключевые игроки:

БРАЗИЛИЯ
РОССИЯ
ИНДИЯ
КИТАЙ
ЮАР

Количество стран участников:

5 стран

Год создания:

2008 г.

Действует до сих пор

весьма конфликтное взаимодействие. И дело не только в пересечении геополитических интересов, но и столкновении совершенно разных принципов, уходящих в несовпадающие культурно-исторические традиции.

Европа – самая наглядная иллюстрация изменения реальности, возникшей после холодной войны. В 1989–1991 годах впервые за несколько столетий появился европейский порядок, отличный от мирового. Главными элементами его стала чрезвычайно развитая система вмешательства во внутренние дела друг друга и безопасность, основанная на принципах открытости и прозрачности. Новая постмодернистская система не опиралась на баланс сил, не ставила во главу угла суверенитет и не отделяла внутреннюю политику от внешней. Она отвергла применение силы в качестве инструмента урегулирования конфликтов и способствовала росту взаимозависимости европейских государств. Постмодернистский европейский порядок не стремится к изменению границ в Европе, созданию новых государств (как после Первой мировой войны) или перемещению людей с целью обезопасить границы

(как после Второй мировой). Главная цель заключалась в изменении природы границ. Европейцы запретили себе мыслить с точки зрения географических карт и заменили карты всевозможными экономическими графиками и диаграммами.

Украинский кризис ознаменовал собой слом европейского порядка, сложившегося после холодной войны. Оказалось, что не только незападные державы (БРИКС, например) считают постмодернистский порядок в Европе чем-то локальным, непригодным для использования в других частях мира. Обозначился предел экспансии *aquies communautaire*, которая столкнулась с другой геополитической реальностью к востоку и югу от границ ЕС.

Теперь Европа в поиске нового порядка. Европейская история 25 лет – это хроника параллельных проектов построения идентичности. Каждый из них по-своему молод, слаб и уязвим, развивается в условиях взаимосвязанности и взаимозависимости. Мучительные попытки их реализовать во многом и приводят к большинству наблюдаемых нами обострений.

Добровольцы, присоединившиеся к правительственной армии для борьбы против радикальных исламистов. Ирак, 15.06.2014

ЕС – проект, основанный на идее безопасности через коллективный суверенитет. Брюссель исходит из того, что находится в окружении будущих членов европейского содружества или кандидатов на членство. Но Евросоюз страдает от усугубляющегося несоответствия между своей силой притяжения и способностью к трансформации. Стагнация европейской экономики в сочетании с ростом антиевропейских и антииммигрантских настроений делает Европу крайне уязвимой для любого кризиса на ее границах. А любая попытка Старого Света всерьез проецировать силу в сопредельных регионах, будь то участие в вооруженных действиях на Ближнем Востоке или применением нормативно-правовых и экономических инструментов в бывших союзных республиках СССР, чревата опасным резонансом внутри сообщества.

ПОДЪЕМ ИСЛАМА КАК ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИЛЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ В ЭКСТРЕМИСТСКИХ ФОРМАХ – НЕИЗБЕЖНАЯ СТАДИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Россию как проект, начавшийся после распада СССР, лучше всего понять как построение «государства-цивилизации» нового типа, которое мобилизует нацию на решительные действия от имени государства. Советская самоидентификация безвозвратно ушла в прошлое, несмотря на частое к ней апеллирование и восстановление некоторых ее внешних атрибутов. Транзит 1990-2000-х годов не привел к возникновению устойчивой модели развития. Кризис, вспыхнувший в связи с конфликтом на Украине, по существу, подводит черту под минувшим и не слишком удачным переходным периодом и открывает следующий. Российские элиты декларируют стремление создать суровую и консервативную державу, которая может быть интегрирована в мировую экономику, но защищает внутреннюю политику от внешнего влияния. Последнее считается залогом выживания в агрессивной окружающей среде. При этом Россия – страна, несмотря ни на что, уже глубоко интегрированная в глобальную среду, а российское общество трудно описать

как классически традиционалистское.

Самоопределение России предусматривает очерчивание ментального ареала – не формальных границ, а именно сферы, которая воспринимается как «своя» – в противовес «чужому». Это неизбежный этап создания новой идентичности. Столкновение с Евросоюзом на Украине, а именно оно стало формальным спусковым крючком кризиса, проявило несовместимость установок и мировоззрений в разных частях Европы. И без становления нового самовосприятия, которое происходит по обе стороны условной разделительной линии, Россия и та часть Европы, которая объединена в Европейский союз, едва ли смогут нащупать основу для совместного развития. Однако возможно минимизировать ущерб и заложить фундамент для будущего взаимодействия – в лучшие времена.

Важнейший для судьбы мирового устройства процесс – пробуждение Ближнего Востока, бурные процессы, отражающие стремление к политическому и идейному обновлению. Причина – отставание этого богатейшего и крайне перспективного региона в развитии, неспособность самостоятельно реализовать свой огромный потенциал. Идеологическое соперничество, предлагавшее какие-то модели развития, завершилось с концом холодной войны. Светские авторитарные режимы, возникшие еще в эпоху деколонизации, в большинстве своем оказались не в состоянии отвечать на вызовы времени, а возможные альтернативы им выглядят все более радикально и разрушительно. Однако подъем ислама как политической силы, в том числе в наиболее экстремистских формах, как, например, в случае с Исламским государством, – неизбежная стадия становления новой идентичности. К чему это в итоге приведет – говорить пока рано. Но реализация собственного проекта – то ли исламской демократии, то ли обнов-

ленного авторитаризма, то ли возвращения в «золотой век» Халифата – будет сталкиваться с другими интересами.

При этом нельзя забывать и о других метаморфозах в рамках мусульманского мира. Турция ищет свою модель плебисцитарной демократии, в которой растущая роль ислама сочетается с возрождением интереса к османскому имперскому опыту. Иран пересматривает свою роль из-за роста противостояния в регионе – с одной стороны, между суннитами и шиитами, с другой – между ведущими державами. Это ведет к формированию нового сплава собственной трактовки религии с большим упором на традиционный персидский национализм.

Всплеск политической и экономической

ного лидерства» по мере трансформации мировой системы – вопросы, от ответов на которые зависит будущее.

200 лет назад Европа (а в ту пору она была в политическом плане синонимом мира) после четверти века тяжелых потрясений, решала свою судьбу на Венском конгрессе. Родился «концерт наций». Великие державы договорились не только о разделе сфер влияния (в то время это было нормой), сколько о создании механизма, который поддерживал бы баланс сил и интересов, а в случае конфликтов – помогал это равновесие корректировать и восстанавливать. Концерт не избавил Европу от войн, но обеспечил возможность сокращать урон, который неизбежные противоречия наносили отношениям крупных

ЕСЛИ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ НЕ ПРЕДОТВРАЩАЕТ КОНФЛИКТЫ, ТО ОНА ИХ УСУГУБЛЯЕТ И УРОН СТАНОВИТСЯ ВСЕОБЩИМ

активности, основанной на попытках осмысления своей роли в меняющемся мире, наблюдается во многих уголках планеты, – Африке и Латинской Америке, Центральной Евразии, Южной и Восточной Азии. Накапливается потенциал напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где диалектика взаимозависимости и соперничества особенно ярко выражена. Намерения США и Китая реализовать там свои масштабные экономические инициативы (Транс-Тихоокеанское партнерство и зона свободной торговли АТЭС) это наглядно демонстрируют.

Волна концептуальных исканий не обойдет стороной и Соединенные Штаты, которым предстоит по-новому оценить свою лидирующую роль в меняющемся мире. Даже несмотря на то, что на сегодняшний день американский истеблишмент не ставит под сомнение нормативные установки, сформулированные 25 лет назад на волне «конца истории».

Различные проекты могут укреплять друг друга, если будут осуществляться согласованно, с учетом взаимных интересов и различий, или торпедировать, как это происходит, например, в случае с соперничеством между ЕС и Россией за Украину. Станет ли Китай новым проектом, моделью для других, и изменится ли американское понимание «глобаль-

стран. Череда конгрессов и мирных конференций, которые продолжались практически сто лет, помогла Европе избежать совсем уж сокрушительных столкновений. А когда механизм обветшал, что происходит всегда с ходом времени, Старый Свет, не в силах найти иного способа урегулировать противоречия, погрузился в кошмар мировой войны.

Сегодня все намного масштабнее и сложнее. Сцена, с которой должен звучать концерт, охватывает весь мир, солистов гораздо больше, они крайне разнообразны, а партии свои исполняют на очень непохожих, иногда диковинных инструментах. Более того, почти все из них одновременно – руководители собственных мини-ансамблей, внутри которых складываются свои отношения. Партитура, которой могли бы руководствоваться все участники, отсутствует, как нет и дирижера, которому все бы подчинялись (его, впрочем, не было и 200 лет назад). Так что единственный способ избежать какофонии – слушать друг друга и совместными усилиями написать ноты, которые бы позволяли добиться хоть какой-то гармонии.

Концерт наций, который нужен сегодня, – это, по существу, концерт разных проектов. Как представляется, есть только одна площадка, где можно попытаться запустить

необходимую дискуссию «композиторов-исполнителей» – «Большая двадцатка».

Своим рождением она обязана кризисам: сначала азиатскому 1997 года, когда этот формат появился на уровне министров, а потом мировому финансовому 2008-го. «Двадцатка», спешно собранная на высшем уровне по инициативе Джорджа Буша, выполнила для рынков функцию психотерапевта. С тех пор фокус внимания — глобальная экономика, деньги, торговля. Сейчас G20 переживает трансформацию — из чисто экономического во все более политический орган. Не потому, что так решили, а вследствие логики всеобщего развития.

Политика в современном мире — куда более важный фактор развития экономики, чем представлялось на заре современной глобализации. Важнейшим фактором экономической нестабильности в мире становится политическая неупорядоченность, отсутствие устойчивого мирового устройства. Глобализация не устранила геополитическое соперничество и противоречия между крупными державами, как надеялись четверть века назад. А если взаимозависимость не предотвращает конфликты, то она их усугу-

бляет, урон становится всеобщим.

События 2014 года — тому свидетельство. У «Большой двадцатки», призванной реагировать на экономические кризисы, нет иного выхода, кроме как обретать политическое измерение. Тем более что она имеет предпосылки занять место наиболее влиятельного органа глобального регулирования.

Совету Безопасности ООН остается функция легитиматора, как бы его деятельность ни были недовольны. G7 — не более чем западный клуб. Крайне влиятельный, но никем за его пределами не признаваемый в качестве начальства.

«Двадцатка» — орган произвольный, но логичный. Два десятка крупнейших экономик — понятный критерий. Само собой получилось, что набор репрезентативный. Страны и развивающиеся, и развитые. И технологические, и сырьевые. И демократические, и авторитарные. Все основные культуры и религии. Полное региональное представительство — от Крайнего Севера до юга Тихого океана. Формальной легитимности нет, но неформальная признается.

В G20 никто не может диктовать: взгля-

Саммит G20 в Санкт-Петербурге, 06.09.2013

ды разные, а равны все не по уставу, а по факту. Неоднородность состава обеспечивает возможность маневра и коалиций. В 2013 году «двадцатка» внесла весомый вклад в мировую политику. Горячая дискуссия за ужином в Санкт-Петербурге, когда мнения разделились пополам, и 15-минутный разговор на полях Владимира Путина и Барака Обамы предотвратили интервенцию в Сирии. Это один из немногих примеров того, что современные проблемы можно решать, а не только создавать.

Придание «двадцатке» нового дыхания – как органа согласования интересов не только в экономике, но и в политике – первый шаг к тому, чтобы начать сочинять глобальную политическую музыку XXI века.

***

Холодная война не перешла в «горячую» стадию, но она и не завершилась формальным «миром», принятой и признанной всеми

договоренностью о новых правилах игры. В январе 1992 года президент США Джордж Буш-старший официально объявил в ежегодном обращении к нации, что Америка выиграла холодную войну, в то время как официально считалось, что ни победителей, ни побежденных не было.

Новая вспышка противостояния из-за украинского кризиса, которую многие поспешили назвать «холодной войной 2.0» – следствие того, как завершилась (или, наоборот, так и не завершилась до конца) первая холодная война. Отсутствие четких и понятных всем сторонам договоренностей приводит к непониманию, которое грозит разрастись до по-настоящему опасного масштаба. Западные лидеры приняли неспособность предотвратить установление порядка периода после холодной войны за готовность к нему присоединиться. Они ошибочно посчитали слабость преобразованием.

Но фоне фундаментальных перемен в международной среде, нарастания неуправ-

Австралийская пресса о саммите стран «Большой двадцатки» в Брисбене, 15.11.2014

ляемости и самых разнообразных угроз миру необходимо совместное осознание сложности меняющегося мира, понимание, в каком направлении он развивается.

Вехи, о которых вспоминают в 2015-м, связаны с ситуациями, когда расстановка сил и интересы были понятны. После разгрома наполеоновской Франции державы-победительницы делили трофеи, дальновидно стараясь не просто найти баланс, но и соорудить механизм его сохранения. В 1945 году тоже сложился круг ответственных держав, которые стремились избежать повторения мировых войн и сформировали институт, снижавший риск фатального соперничества. Наконец, Хельсинский акт стал масштабным соглашением о разделе сфер влияния в Европе на основе признания: статус-кво обеспечивает более высокий уровень безопасности, чем попытка его ревизии.

Новый международный порядок не построить просто на воспроизводстве институционального статус-кво, но и отрицать

базовые принципы, провозглашенные 40 лет назад в Хельсинки, он не может. Возродить прошлые договоренности на новом историческом этапе невозможно – слишком изменились обстоятельства, другим стал круг тех, кто влияет на мировую ситуацию. Но крайне важно вспомнить настрой, который был присущ периодам, когда удавалось сформулировать действенные принципы функционирования международной системы.

Мир вступил в эпоху, когда от всех требуется особенно высокая степень осторожности и способность избегать необдуманных шагов. За годы после холодной войны участники мировой политики утратили это качество, которому теперь нужно учиться заново. В противном случае может выясниться, что вечный мир и благополучие, наступившие, как думали, после окончания биполярной конфронтации, были не более чем опасной иллюзией и преддверием краха устойчивой модели развития.

